

"Адам и
Ева"
гг. Булгаков

30/1-88
Москва
Тв-р-студия
"Ангажемент"

МОСТОПСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького д. 5/6 Тел. 203-81-83

Вырезка из газеты

ПЕНЗЕНСКАЯ
ПРАВДА

30 ЯНВ 1988

г. Пенза

«Адам и Ева»

Гастроли Московского театра-студии «Ангажемент» в Пензе

Рецензия

«Люди, будьте бдительны!» — это предупреждение Юлиуса Фучика можно было бы поставить эпиграфом не только к спектаклю, о котором пойдет речь, — проблема ответственности каждого человека за судьбу человечества приобрела в наше время особое значение. Не случайно тема японской глобальной катастрофы, о чем ранее говорилось неохотно и невнятно, заняла сегодня в искусстве заметное место. Достаточно вспомнить обеспокоенный зритель мира фильмом «Письма мертвого человека» или повестью А. Адзимова «Последняя пастораль», в которых сделана попытка смоделировать «последнюю» судьбу цивилизации.

Тем поразительнее дар предвидения Михаила Булгакова в пьесе, написанной 60 лет тому назад, когда еще и речи не могло быть о возможности атомной катастрофы. Правда, причину верооятной трагедии он видел в другом. Но в том-то и заключается обобщающая и прогнозирующая сила искусства, что ему порою не обязательно опираться на конкретные научные открытия. Художник моделирует прежде всего морально-этические и социальные модели, исходя из действительности с ее социальными и политическими факторами. И ничуть не говоря о спектакле издольца, который кто-то может и недооценить всей значимости постановки московским театром «Ангажемент» пьесы М. Булгакова «Адам и Ева», воспринять ее лишь как эсхатристическую комедию, несколько необычную завуалированную фантастику. Вспомните, к примеру, в спектакле, конечно, в спектакле — кадет. Но все это выполняет лишь определенную роль, в смысле постановки и другим.

Адам (арт. В. Качан) и Ева (артистка Г. Лаврищева) — это обыкновенные

люди, носители «библейских» имен. В Качан и Г. Лаврищева играют милую влюбленную пару, и ничего особенного изначально на сцене не происходит. Если бы не странноватые приходы и уходы персонажей «сказочные стены» (хорошая находка постановщиков, о чем еще будет речь), то первый акт развивался бы совсем в духе комедии 30-х годов с неизменными атрибутами коммунальной квартиры — соседом, пьяницей и дебоширом, «общественником» писателем, положительным героем — детским и т. д. Это все детали узнаваемые, передающие колорит эпохи. Но вот наступает второй акт, и все меняется. Кошмар та же, но на «стене» теперь виден черный силуэт — фигура из псалмистских рисунков палеолита... — вои куды отбросила человечество катастрофа? Да карое там человечество — полудюжины случайно оставшихся в живых. Все теперь начинается сначала! Теперь становится понятен скрытый смысл имен: Адаму и Еве, словно персонажам из библейской легенды, придется и в самом деле стать зачинателями рода людского. Вот так-то несладко обернулись игры с чертом!

С чертом? А почему бы и нет? Вся атмосфера булгаковских произведений — не только в этой пьесе — связана с «адскими» мотивами, и знатоки «Мастера и Маргариты» точно почувствуют в Ефросимове (его козлами пылающая мировая катастрофа) падах серы, сопутствующий Степану Воланду... Правда, Ефросимов слегка маскаринус. «И много курю и поэтому от меня пахнет дымом...» Но Булгаков есть Булгаков, и если не сводить пьесу к плоскому приговору, то эту атмосферу нужно было передать или хотя бы обозначить. Отсюда и

проходы сквозь стены, и музыка Гуно на оперу «Фауст» с хоромной арией Мефистофеля. Конечно, цинизм было бы полагать, будто Булгаков (и спектакль) всерьез говорит о «вечности» силе: для писателя Дьявол — будь то Воланд или Ефросимов — это метафора, идущая от Гоголя и Достоевского, олицетворение Зла, и никакая мистика здесь нет. А о Ефросимове разговор особый. Следует сказать, что литературный материал «Адама и Евы» несет на себе отпечаток своего времени. В 20-е годы появились немалые произведения, посвященные «архетипам» на мировое господство, изобретение ими различных «лучшей смерти» и прочего страшно-го оружия — достаточно вспомнить «Гипербоиды» немца Гарина А. Толстого, романы А. Белые «Продание души» и «Властелин мира», популярный в свое время фильм «Мисс Менд», пьесы Карла Чапека «Белая болезнь» и многое другое. Подобная тематика была в значительной степени связана с тогдашней действительностью, с зарождавшимся фашизмом, обескураживающим Муссолини и Гитлера. В этом смысле пьеса Булгакова создавалась в русле эпохи, однако многое отягчает ее от традиционной сюжетной схемы.

Артист Ю. Комаров играет не традиционного оловянного Ефросимова — это «чуждый червь», много лет просидевший в четырех стенах своей лаборатории и настолько оторвавшийся от жизни, что забыл слова, обозначающие самые элементарные вещи. Он не понимает произошедших в стране перемен. В общении с окружающими немного чудачество, но любезен и по-своему симпатичен — до поры, до времени. Нет, он не некийный аг-

нец. Создав свой смертоносный газ, он несколько поддается соблазну стать над людьми, хотя вовсе не представляет себе, зачем это ему нужно и что же он будет делать в одиночестве, изнывая все человечество. Он просто «ставит эксперимент», чтобы посмотреть, что из этого выйдет...

Как не задуматься здесь зрителю над проблемой личной ответственности ученого за свои действия, открытия, эксперименты? В этом мире сегодня идут ожесточенные споры о том, все ли направления в науке за последние десятилетия являются и возможных последствий. Нужно ли прекращать исследования, когда результаты непредсказуемы или, что хуже, опасны для человечества? Ученые в большинстве своем люди хорошие, их любознательность, творчество, да вот где граница допустимого? Мне кажется, что Ю. Комаров, предостав «сопротивление материала», правильно делает, что не акцентирует «зловещие» черты Ефросимова — в этом случае и финал выглядит логичнее, более обоснованно.

Но вот момент торжества безумия минувал: своего он добился. И что же? Здесь-то и выступает на первый план морально-этическая проблема спектакля. В экстремальных условиях выявляются истинные ценности и становятся ясным, кто на самом деле есть, кто еще одной странницей творчества писателя. В этом смысле добротная работа постановщика — художественного руководителя театра «Ангажемент» Е. Лисковского безусловно заслуживает внимания.

Завора раскрывается яростно: приспособленец, обыватель, отлеживающий все, что еще вчера пытался «воспеть» казенными словесами! Фигура, типичная и для нашего времени.

Ну, а Ефросимов? Соревнуясь злодейский эксперимент, он тем самым лишился и своей злой силы — сопел как новарный водоебник Черномор у Пушкина, лишившийся своей колдовской бороды и превратившийся в безобидного старика. На что теперь Ефросимов его смертоносный газ, когда и уничтожить то неуго и не над кем утверждать свою власть? Вот когда — слишком поздно — он понимает, что существуют великие общечеловеческие ценности: любовь и жизнь среди людей. Здесь, во втором акте, расширяется и яркая работа артистки Г. Лаврищевой: Ева выступает как некое нравственное начало в своих стремлениях пробуждать в душах людей доброе чувство.

Но какую поучительную метафору! претерпевая Адам, в этой постановке — аурой личности — вдруг всплывают диктаторские зачатки и намерения! Артист В. Качан — лаконично, но очень точно воспроизводит характер деспота, так сказать, «уездного масштаба»... Со сценой на уловистость фигуры, тоже узнаваемой современник. Может быть поэтому Адам и терпит крах во взаимоотношениях с Евой.

В целом по своему стилю спектакль может показаться несколько экзотичным. Но, пожалуй, именно в таком ключе его и следовало ставить, чтобы не уйти в «чистую» мистификацию или только в эсхатристическую комедию. И я не думаю, что пьеса «Адам и Ева» принадлежит к числу плохих произведений М. Булгакова. Но она по своему любопытна и, впервые постановленная на сцене, знакомит зрителя с еще одной странницей творчества писателя. В этом смысле добротная работа постановщика — художественного руководителя театра «Ангажемент» Е. Лисковского безусловно заслуживает внимания.

К. ВИШЕНСКИЙ,
доктор наук, профессор Пензенского педагогического института им. В. Г. Белинского.